

ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ НА РОСТОВЩИЧЕСТВО

Проблеме ростовщичества посвящены два сочинения Николая Кавасилы — трактат «Слово против ростовщиков» и письмо «Благочестивейшей Августе о проценте», адресованное матери малолетнего императора Иоанна V Палеолога. Оба опуса написаны автором в конце 40-х — начале 50-х гг. XIV в.¹ — в годы, когда состояние общественного дискомфорта в империи, поддерживаемое бесконечными внутренними политическими смутами и устойчивой угрозой интервенции, сочеталось с глубоким обнищанием страны. Поражение зилотского движения в Фессалонике, переход власти в стране в руки сепаратистски настроенных магнатов, вынужденное покровительство иностранным купцам на территории империи окончательно утвердили статут бесперспективности для городской экономики.

Николай Кавасила, молодой образованный аристократ, искавший, как и многие его современники, причину общественных неурядиц, вычленил из хаоса бед империи одну — ростовщичество — и возвел ее до первопричины всех несчастий в стране.

Ростовщичество, лишь сопутствующее общему обнищанию, более, нежели истинные причины этого явления, бросалось в глаза современникам. Само по себе присвоение чужой собственности в виде высоких ссудных процентов не меняло характера производства этого времени; ростовщики лишь паразитировали на теле империи. «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и приводит его в жалкое состояние. Оно высасывает его соки, истощает его и заставляет воспроизводство совершаться при все более жалких условиях»².

Не удивительно, что Николай Кавасила выделяет ростовщичество как основную причину общественных бед: в империи XIV в. проценты были чрезвычайно велики. Интересны в этом отношении наблюдения Н. П. Матиса, отметившего на основании документов константинопольского патриархата, что ссудный процент в течение XIV в. (он ведет наблюдения от 1324 г.) значительно вырастает. Самый малый процент, который зафиксировали патриаршьи акты конца XIV в., составлял 15³. Достаточно весомым аргументом для доказательства возрастания влияния ростовщичества является сопоставление следующих фактов. В 1324 г. патриарх Исайя потребовал взыскать с вдовы долж-

ника лишь долг, но без процентов, действуя, таким образом, в соответствии с положениями священного писания о проценте. По решению же патриарха Матфея I (конец XIV в.) подтверждается по делу Мануила Котзаса⁴ процент 26,6 (с долга в 27 иперпир причитается через 5 месяцев 30 иперпир, включающих капитальную сумму и полагающийся процент)⁵. Если вспомнить, что дозволенное законом количество колебалось от 4 до 8% (в особых случаях, связанных с риском, до 12%)⁶, то картина гнета ростовщичества в империи становится выразительной. Несомненно, что во второй половине XIV в. высокий процент стал уже нормой жизни.

Трактат Николая Кавасилы «Слово против ростовщиков» (*Logos kata tokidzonton*), опубликованный П. Минем⁷ по парижским рукописям 970 и 1213⁸, не изучался специально в исторической литературе. В лучшем случае, две-три цитаты из этого сочинения попадали на страницы исследований, посвященных социально-экономической истории поздней Византии. Чаще же авторы ограничивались лишь указанием на то, что такой трактат существует, ссылкой на него либо внесением в список литературы⁹. Конспективно рассмотрены некоторые аргументы трактата в книге А. Ангелопулоса о Кавасиле¹⁰. Элементы оценки сочинения Николая Кавасилы о ростовщиках (правда, без аргументов) содержатся в докладе К. П. Кирриса на XIV Международном конгрессе в Бухаресте¹¹.

Другое сочинение Николая Кавасилы о ростовщичестве — письмо «Благочестивейшей Августе о проценте» (*Te eusebestate Auguste peri tokou*) издано по парижской рукописи 1213 Р. Гийаном в 1935 г.¹² Фрагменты этого опуса приводятся в статье И. Шевченко, но целью цитирования является не анализ отношения Кавасилы к ростовщичеству, а необходимость уточнить хронологию его жизни¹³. Изложение общей фабулы письма к Анне Савойской мы находим у Р. Гийана и А. Ангелопулоса¹⁴.

В целом сочинения Николая Кавасилы относительно ростовщичества оцениваются в исторической литературе прежде всего как риторические, т. е. не ставящие целью отражение реальных событий и ситуаций. Несколько особняком в этом отношении стоят выводы церковных писателей, считающих трактат своеобразным манифестом в защиту бедных, в защиту божественной справедливости. А. Ангелопулос именно в этих тонах оценивает позицию Николая Кавасилы, изложенную в трактате «Слово против ростовщиков»: «Откровенность, с которой он развивает аргументы в условиях деспотического режима, является героической деятельностью одного человека, защитника и соратника тех, кто в этой земной жизни испытывал угнетения всех видов динатов и страдал от несправедливости законодательства»¹⁵. А. Ангелопулос даже считает, что Николай Кавасила понимал необходимость «социальной революции» (*koionike epanastasis*)¹⁶. В редакционной статье «Журнала Московской патриархии» взгляды Кавасилы получают сходную оценку: «...его «Слово против ростовщиков» является ясным доказательством сочувствия нуждам народа, эксплуатируемого различными

правителями, часто прикрывавшими свои темные дела светлым идеалом Церкви. Николай Кавасила был защитником народа, искателем социальной справедливости...»¹⁷.

Чтобы понять смысл позиции Николая Кавасилы и его понимания социальных проблем жизни империи, обратимся к анализу его сочинений.

Трактат «Слово против ростовщиков» полемичен с первой строки до последней. Николай Кавасила сразу определяет объект своей критики: «Есть такие, кто считает, что закон, запретивший процент, нет необходимости защищать» (Тр., 728 А). С ними-то, сторонниками взимания процента, и ведет свой спор автор.

Трактат построен по принципу «аргумент — контраргумент». Каждый новый тезис Николай Кавасила начинает словами своего противника, защитника ростовщичества («но для меня из этого ничего не достается, говорит, ибо серебро, пищу и одежду я одолжил бедному» — 733 Д; «но многих, говорит, я избавил от бедности» — 733 В; «откуда же нам средства к жизни, говорит, когда ни земледелия не знают, ни торговать не могут, ни к какому другому ремеслу не приспособлены?» — 745 С и другие тезисы). Затем следует опровержение предлагаемой сторонником роста точки зрения на обсуждаемый вопрос. Контраргументы Николая Кавасилы часто сопровождаются эмоционально насыщенным комментарием («это и смешно, и вздорно, и безрассудно» — 733 С; это «наглость из наглостей» — 733¹ Д). Публицистичность трактата углубляется формой прямого диалога («как же ты не стыдишься?» — 748 Д; «ты хуже тех, кто посылается в геенну» — 736 А), оборотами устной речи («ты слышишь?» — 732 Д; «итак, что же я говорю?» — 733 А), субъективностью изложения («я думаю», «я полагаю» — 733 А).

Николай Кавасила считает, что главное зло ростовщичества — порождение несчастий («ныне же плодом процентов являются стон и скрежет зубов» — 733 Д) и бедности («это не устраняет бедность, но углубляет ее» — 733 С). На стремление утверждать, что все проценты в конечном итоге опять идут на оказание помощи бедным, Николай Кавасила язвительно замечает: «Но не из собственного же (кармана ты даешь), пока руки имеют проценты... А если ты все проценты тратишь на бедных, что же ты после этого тратишь на себя?» (733 Д). Когда противники Кавасилы пытаются представить договор о займе как добровольное соглашение, он категорически выступает против этого: «И не в результате добровольного решения они уменьшают свои деньги, но несут (тебе), будучи лишенными, и убыток возмещают убытком» (748 А — В). Результат этого так называемого добровольного согласия говорит сам за себя: «Ты расписками связал» (748 В).

Каскад аргументов и контраргументов в этой теме трактата заканчивается вынужденным признанием ростовщиков о том, что смыслом их деятельности является получение прибыли: «...Если с бедного мы ничего не взыщем, откуда же богатый процент?» (740 А). Итогом диалога является резкое обвинение Кавасилы в адрес ростовщиков: «Бедного душить, прижимать голодом, раздевать — это уже не процент, но более

тяжелое зло. Так и воров совершают поступок более тяжелый, если они раздевают бедняка, и много больший проступок, если они сами были богаты» (740 А).

Возведение ростовщичества в ранг преступления — одна из ведущих тем трактата. На страницах его постоянно встречаются сравнения кредитора с грабителем, взломщиком, святотатцем, убийцей (732 А — В, 738 А — В, 740 А, 744 С и другие). Причем Николай Кавасила настойчиво проводит мысль о том, что ростовщичество еще большее зло, нежели преступление, ибо отдающие деньги в долг под проценты даже не пытаются скрыть преступность своей деятельности: «Разбойники живут в пустыне или в горах, обнажая меч на путников; если же ими населены города, то, подверженные алчности, они пренебрегают судьями и законами... Если грабители могил совершают преступление ночью, то живых закон разрешает грабить даже днем» (738 В — С). Вред, причиняемый обществу взломщиком и убийцей, очевиден. Ростовщик же, являясь гибелью для людей (*olethros on*), участвует «в заведенном порядке жизни», ведет «привычный человеческий образ жизни» (748 Д), т. е. при всей очевидности преступления является скрытым преступником. Кроме того, если преступление обычно связано с каким-то риском, то взимание процента, замечает Кавасила, не несет ростовщику никакой опасности.

Когда сторонники получения процента пытаются в оправдание этого вида деятельности назвать ее профессией, ремеслом, у Николая Кавасилы это снова вызывает ассоциации с деятельностью преступников: «Не на это ли самое ссылаются и грабители храмов, и разбойники? Разве ты допускаешь для них (совершение) зла? Разве ты терпел злодеяния взломщиков? Разрешал ли ты разбойнику раздеть себя? И то, что он наносит удары, это тоже (не представляет) ничего ужасного?.. (И все это от того), что другого ремесла они не знали» (745 С — Д). Николай Кавасила считает, что взимание процента, так же как грабеж, не может быть названо профессией, «делом», так как в основе этих видов деятельности не лежит труд: «процента никто не приобретает трудом», «...не следует получать доход тем, кто никак не трудится» (729 А).

Доход ростовщика, по Кавасиле, сродни грабежу не только потому, что не основан на труде, но и как прямое присвоение чужой собственности: «И если ты берешь больше, чем даешь, ты обвиняешься как присваивающий чужое» (733 Д — 736 А). Весь ход мыслей автора трактата приводит к выводу, что ростовщики ответственны перед законом: «Это значит — преступать закон, если, одалживая деньги, возвращать их с лихвой» (740 А).

Но если Николай Кавасила недвусмысленно квалифицирует ростовщичество как преступление, то каково же должно быть наказание?

Трактат содержит богатые юридические наблюдения. Прежде всего Николай Кавасила обращает свои взоры к законодательству тех стран, которые запрещали ростовщичество: «Мы взираем...на государства всех веков, хорошо устроенные, в которых нигде не было процента» (736 В). В трактате приводятся примеры мудрого, с точки зрения автора, законодательства Ликурга и Солона, отменивших в свое время долги:

Кавасила обращает внимание читателей на приверженность греков этим законам: «И если бы ты отменил законы Солона или Ликурга, придя к афинянам, ты бы погиб, прежде чем успел бы крикнуть» (736 А).

Обращается Николай Кавасила и к не столь отдаленным примерам — к законодательству императора Василия I Македонянина, в царствование которого в сложной обстановке борьбы с павликианством было отменено всякое взимание ссудного процента. «И чтобы ты не опроверг преувеличение слов, я дам тебе свидетелем Василия, и ты не осмелишься вычеркнуть человека, имя которого для всех является великим» (748 В). Автор трактата считает важным привести слова Василия I, в правление которого царили голод и засуха: «Корень болезни... в ростовщиках» (748 ВС). Слова императора: «Уничтожь соглашение о тяжелейших процентах, чтобы (только) земля по обыкновению давала рост» (748 В) становятся по сути дела главной темой проповеди Николая Кавасилы.

Однако исторический экскурс в законодательство о процентах не имеет в трактате однозначного решения. Николай Кавасила пишет: «Есть законодатели, которые проценты ввели, есть, которые их отменили» (741 В). Вот здесь-то и разгорается спор между Кавасилой и его противником, какого же закона следует придерживаться. Странники ростовщичества склонны следовать букве старого (по сравнению с «Прохироном» Василия I) юстинианова законодательства, санкционировавшего систему взимания процента, хотя бы на том основании, что законы Юстиниана древнее (741 В). Воспользовавшись этим аргументом противника, Николай Кавасила заключает: «Насколько древнее... законодатель, отменивший проценты; против тебя и твоих решений я поддерживаю божественный закон» (741 С). Суд бога как единственно справедливый автор трактата противопоставляет современному ему законодательству.

Николай Кавасила с осуждением констатирует, что ростовщик «не несет ответственности перед земными судьями» (745С). Он считает, что суд его дней заражен жаждой прибыли и в силу этого ростовщик не получает наказания, следуемого ему по закону бога: «благодаря судьям, подобным тебе, ты пользуешься добрым именем» (745 В). Поскольку деятельность ростовщиков не осуждается законом, вполне естественно, что они не гнушаются своих нечестных доходов (729 А).

Автор трактата, говоря о несправедливости современных ему законов, постоянно напоминает о предстоящем суде божьем: «Одно дело сегодняшнее наказание, другое — будущий суд» (745 В); «...двойная жизнь у людей, двойной суд» (745 А). Власть земных судей, по Кавасиле, ограничена: «Они не устанавливают нам будущую жизнь, не в том суде (нас) судят» (745 А). Он подчеркивает, что современные ему правители имеют власть, только «пока длится плавание» (745 А). К тому же, замечает Кавасила, земная судьба человека и потусторонний путь не совпадают: «и славу кроткую, и справедливость обретших там к самым дурным приобшит...» (745 В).

Главный упрек, который брошен Николаем Кавасилой ростовщикам, — это неуважение к божественному закону: «Ныне ты нарушаешь

закон Бога» (733 Д), «ты порицаешь Божий закон» (736 А, 741 С). Николай Кавасила ставит под сомнение справедливость человеческих законов: «Насколько лучше судьи, в соответствии с судом Божиим несущие мысль, нежели те, которые соглашаются с человеческими законами» (740 Д). На вопрос ростовщика, кому он наносит несправедливость, Николай Кавасила отвечает: «Более всего самому Богу, в отношении которого ты бесчинствуешь, преступая закон» (748 А). Эти слова автор трактата подкрепляет ссылкой на послание апостола Павла: «Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?»¹⁸

Какие же положения священного писания в отношении ростовщичества призывает соблюдать Николай Кавасила? Прежде всего, это изречение Давида (им начинается и кончается трактат — 728 В, 749 В): «И от процента, и от несправедливости освободит их души». Автор напоминает, что истинный христианин, соблюдающий нормы общественного поведения, установленные священным писанием, «в рост не отдает и лихвы не берет»²⁰. Особенно порицается в трактате взимание ссудного процента с братьев и единоплеменников (741 С, 748 Д)²¹.

Одно из нарушений божественного закона Николай Кавасила усматривает в подмене понятий «процент» и «заем». Николай Кавасила, подтверждая слова евангелиста Луки «...взаймы давайте, не ожидая ничего»²², считает, что «следует быть в городах кредиторам» (736 А). По трактату процент отнюдь не должен являться разумеющимся компонентом всякой кредитной сделки: «Если молча был совершен заем и кредитор не упоминал о процентах, а позднее будет требовать их вместе с ссудой, он будет говорить вздор» (744 Д). Николай Кавасила четко отчленяет процент от ссуды, признавая несправедливость первого и гуманность второго: «Сегодня ты обвиняешься нами не за то, что даешь в долг, но за то, что не только ссуду возвращаешь, но и сверх того взимаешь проценты» (733 С). Кавасила говорит о попытках сторонников ростовщичества извратить истинный смысл божественного запрета в отношении процента: «Он (бог) двояко решает: и кредиторам быть в городах, и проценты устранить. Они же, так как не дозволяется брать проценты, решают не давать в долг, сами упраздняют в городах кредиторов и закон порицают за это» (736 Д). Второй путь искажения содержания заповеди бога заключается, как усматривает Николай Кавасила, в стремлении переложить вину за повышение уровня ссудных процентов на священное писание, разрешавшее давать в долг: «равная вина была приписана закону, который не изгнал кредиторов, а ввел их к нам, когда их необходимо было изгнать» (736 Д).

Кстати сказать, подобные выпады в отношении политики запрещения процентов отражены не только в рассматриваемом трактате. Можно вспомнить, что подобная ситуация создалась во времена правления Василия I, запретившего рост. Об этом пишет Лев VI Мудрый в 83-й новелле: «Это распоряжение, вследствие бедности народа, привело не к лучшему, как думал законодатель, а к худшему. Раньше, в надежде на процент, многие давали ссуду, когда же появился закон, согласно которому нельзя извлекать выгоду из представления ссуды,

некоторые стали бесчеловечными, жестокими и неотзывчивыми к нуждающимся в подобной ссуде...»²³.

Пренебрегающие божественной заповедью о запрещении процента должны быть наказаны, по Николаю Кавасиле, теми карами, которые применяются к вероотступникам. Слова «идите от меня, проклятые, в огонь вечный»²⁴ звучат в трактате рефреном (732 Д, 733 Д). Геенна огненная не раз обещана Кавасилой ростовщикам: «Ты, имеющий проценты, неужели ты думаешь избежать геенны?» (733 А; также 732 Д, 736 А, 745 А, 745 С).

Нарушение божественной заповеди есть, по Кавасиле, одновременно и отклонение от принятой нравственной нормы. В силу этого автор трактата, обращаясь к своим противникам, взывает к их человеческим чувствам — совести, долгу, справедливости. Моральные аргументы против ростовщичества составляют содержание многих пассажей сочинения²⁵.

Несомненно, трактат написан не столько для усовестления кредиторов, берущих большие проценты с должников, сколько для обличения ростовщичества как общественного зла, наносящего удар городской экономике («ты большим бедствием опутываешь города» — 748 С). Следует заметить, что гневная проповедь Николая Кавасилы против ростовщиков заканчивается не обычным для подобных сочинений «аминь», а утверждением ответственности ростовщика перед людьми (...to koino ton anthron pollon hup euthunos on).

Второе сочинение Николая Кавасилы, посвященное проблеме ростовщичества, представляет собой письмо, адресацию которого мы и считаем его названием. Сочинение «Благочестивейшей Августе о проценте» по характеру аргументов существенным образом отличается от рассмотренного нами «Слова против ростовщиков». Это не столько псогос ростовщичеству, сколько деловая записка, прошение, направленное Анне Савойской, вдове прежнего императора Андроника III и матери царствующего императора Иоанна V Палеолога. Письмо, несмотря на его более деловой и конкретный по сравнению с трактатом характер, не лишено, разумеется, риторического словесного орнамента, определяемого законом жанра. Витиевато построенные похвалы в адрес Анны и императора соответствуют привычным славословиям энкомиастов: здесь упоминаются и доброты родителей, и благоразумие, и человечность, и склонность к справедливости.

Ростовщикам в письме дается гневная отповедь. Они названы здесь разбойниками, ворами (А., 274), бесстыдными, бесчеловечными, ставящими деньги выше справедливости и соотечественников (276. 40). Ростовщики, по Кавасиле, готовы отнять у должников самое необходимое: они «изгоняют из дома, отнимают одежду...» (277.). Однако критика ростовщичества, пожалуй, звучит не основной темой сочинения, а лишь аргументом для излагаемых в письме предложений.

Следует заметить, что расцвет ростовщичества и обнищание должников связываются в письме с периодом гражданских войн: Николай Кавасила поднимает свой голос в защиту «лишенных всего в период

всеобщей бури». Далее автор объясняет свое понимание бури: «Я называю бурей то время, когда императоры находились в ссоре, когда города снедались распрями, пренебрегали согласием и были разделены между собой, когда был обнажен меч против законов и руки христиан обгарили кровью их соотечественников» (274. 34—275. 3).

Николай Кавасила просит Анну Савойскую во имя спасения пострадавших в ходе гражданской войны и отягощенных долгами восстановить закон ее умершего мужа Андроника III, отменившего выплату процентов в период войны между ним и его дедом Андроником II²⁶. Он обращается к Анне и императору: «Вы, лучшие и самые справедливые, спасите этот закон, покажите, что законодателем более предусмотрительным, чем Солон, был этот удивительный император, которого следует почитать соответственно закону и более, нежели закон требует... Дайте силу закону, им установленному» (275. 10—15). Автор письма взывает даже к памяти умершего императора и к святым: «Великий император, издавший этот закон, просит тебя вместе со мной. Я полагаю, что и святые тебе сказали бы также» (277. 17—20). Закон Андроника III об отмене долгов назван в письме демократичным (*demotikos*), справедливым и человечным (277).

Стремясь добиться успеха, Николай Кавасила приправляет свою просьбу изрядной долей лести в адрес Анны и императора: «Все люди, имеющие разум, связывают с тобой благодеяния по отношению к несчастным... Сделай милость в ответ на мольбу всех этих (людей), убеди наилучшего императора, превосходящего всех добротой, утвердить закон» (277. 20—25). Автор пытается использовать удобный политический момент — затишье в ходе политической междоусобицы, когда Анна Савойская вновь обретает власть и влияние: «Не медли, не откладывая решения, лишь ты можешь мановением (руки) содействовать справедливости. Пусть узнают они, злые и бесчеловечные... что не могут применить свои замыслы, когда вы находитесь у власти...» (276.37—277.3).

Как и в трактате, Николай Кавасила касается темы «заем — процент». Он приводит возражение сторонников ростовщичества в связи с просьбой восстановить закон Андроника III: «Никто не будет давать займы деньги, если не будет надежды получить проценты» (276). В связи с этим Кавасила говорит, что закон Андроника III действительно прощает должникам проценты, но этим он «не обижает никоим образом кредиторов, которые возвращают свою собственность» (276). Он пытается урезонить ростовщиков напоминанием о тяжелом времени, когда «все являются жертвой несчастья», когда «одни погибли навсегда, а другие вот-вот погибнут» (274).

Автор письма убежден, что предлагаемые им меры представляют то, «что надо сделать в интересах государства» (277). Таким образом то, что ростовщики называют вредным для государства (*to de blapsei ten politeian* — 276), Кавасила считает общественно полезным.

Анализ взглядов Николая Кавасилы не будет выглядеть завершенным, если мы ограничимся представленным описанием двух его сочи-

нений. Следует поставить вопрос о соотношении позиции Кавасилы с системой экономических воззрений средневековья.

Несомненно, концепция Николая Кавасилы по вопросу о ростовщичестве, так же как и многие проявления экономической мысли периода средних веков, оформилась не без влияния идей Платона и Аристотеля.

Прежде всего, пожалуй, следует сказать о действенности платоновского тезиса умеренного аскетизма. Платон считал необходимым искоренить «неблагородную страсть к наживе»²⁷. Несомненно, оказывало влияние на экономическую психологию средневековых авторов и стремление Платона рассматривать проблему богатства с этической точки зрения: «Стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно...»²⁸. Считая, что справедливость и стремление к наживе суть несовместимые явления, Платон, ратуя за справедливый тип государства, говорит, «что в нашем государстве не должно быть ни золота, ни серебра, ни большой наживы путем ремесел и ростовщичества...»²⁹. Стремление Платона придать нравственную окраску проблеме «богатство — бедность» («Богатство развратило душу людей роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства»)³⁰ чувствуется и в сочинениях Николая Кавасилы, так же как Алексея Макремволита и других византийских авторов. Платоновская позиция в отношении ростовщичества совершенно определена: «Нельзя... отдавать деньги под проценты: в этом случае позволено вовсе не возвращать ростовщику ни процентов, ни всего долга»³¹. Однако, как позднее и Кавасила, Платон, выступая против ростовщичества, признавал необходимость кредита: «... нельзя давать в долг денег тому, кто не внушает доверия»³².

Большое влияние на отношение писателей средневековья к накопительству, к богатству оказывал тезис Аристотеля о внутренней бессмысленности денег: «Такого рода богатство может оказаться прямо-таки не имеющим никакого смысла, и человек, обладающий им в преизобилии, может умереть голодной смертью, подобно тому легендарному Мидасу, у которого вследствие ненасытности его желаний, все предлагаемые яства превращались в золото»³³. Аристотель резко осуждал ростовщичество, превращавшее деньги в объект собственности: «... с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые таким образом утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: цель денежных знаков — облегчить меновую торговлю, взимание же процентов ведет именно к росту денег... Описанный род наживы состояния оказывается противоестественным по преимуществу»³⁴.

Интересно заметить, что вслед за Аристотелем, обыгравшим этимологию слова *tokos*³⁵ («Отсюда-то объясняется и самое название этого роста «приплодом»: как дети походят на своих родителей, так и проценты являются денежными знаками, происшедшими от денежных знаков»³⁶), Николай Кавасила также обращает внимание на этот нюанс, придав своему сравнению окраску резкого противопоставления:

«Как тебе не стыдно (подобное занятие) называть лучшим из всех имен?» (Тр., 733 В) ³⁷.

Влияние тезиса Аристотеля, что деньги могут рассматриваться лишь как мера ценности, на общественную психологию средневековья было необычайно велико. По Аристотелю, «деньги не могут родить деньги», они бесплодны, непродуцируемы. Это положение в учении греческого философа породило средневековый тезис «*rescupia rescupiam parere non potest*». Плоды, рост может давать только земля ³⁸.

В цепи аргументов сочинений Николая Кавасилы можно выделить этот аристотелевский тезис. Он утверждает, что если земля должна родить согласно природе (*kata fusin*), то медь и золото могут давать рост только вопреки природе (*para fusin*). По Кавасиле (Тр., 748 С), именно этот противоестественный рост и порождает общее бесплодие (*akargian*).

По другому аристотелевскому тезису, обработанному в схоластическом духе Фомой Аквинским, деньги причисляются к вещам потребляемым в отличие от непотребляемых. Продажа вещей потребляемых сообщает покупателю *dominium*, абсолютное право собственности. Взимание при этом особой платы за пользование вещью (или суммой денег) представлялось как двойная продажа одного и того же предмета ³⁹. Не рассматривая слабые стороны этой концепции, отметим, что Николай Кавасила, несомненно, ее придерживался, когда писал: «Если взявший в долг сумму денег потеряет ее... то тот, кто дал ему деньги в залог, не может причинить неприятности, требуя денег, над которыми он уже не является хозяином вследствие событий» ⁴⁰.

Но отметив влияние экономических воззрений греческой философии на позицию Николая Кавасилы по вопросу о взимании процента, мы не можем не видеть, что она соответствует прежде всего христианской религиозно-этической концепции, представляющей собой осуждение в ростовщичестве таких отрицательных проявлений человеческой натуры, как алчность, своекорыстие, бесчеловечность, склонность к обману. Содержащаяся в трактате Николая Кавасилы критика взглядов сторонников роста с позиций чисто моральных вполне объяснима: в интерпретации священного писания все экономические понятия (труд, богатство, доход и другие) имеют прежде всего этическую окраску. Утверждаемый христианской догматикой примат духовного над земным позволяет оценить взимание процента не иначе, как грех, как отклонение от закона естественной справедливости. По христианскому учению, в преддверии будущей потусторонней жизни, делавшей бессмысленным всякое накопление ⁴¹, отношения людей должны складываться как отношения братские, основанные на бескорыстной помощи друг другу (можно сравнить с тезисом Кавасилы: «... проценты с братьев вы брали, но из своих запасов вы ничего не уступали нуждающимся» — Тр., 732 Д). Не случайно свои основные аргументы Николай Кавасила развертывает на фоне главных заповедей христианства — «возлюби ближнего своего» (Тр., 732 С, 740 А) и «не убий» (Тр., 741 С). Негативное отношение к ростовщичеству было порождено феодальным

складом хозяйства, где истинная ценность признавалась за землей («только земля может родить»).

Воздействие христианского учения о запрете процента на умы средневековых писателей дополнялось и направленностью церковных постановлений по этому вопросу. Как известно, начиная с Никейского собора 325 г., осуждение ростовщичества содержали декреты многих синодов, а также творения отцов церкви⁴².

Как писатель Николай Кавасила не был одинок в своих выступлениях против ростовщичества. Это явление общественной жизни осуждалось многими авторами античности⁴³ и периода средних веков. И на заре средневековья, и в период его расцвета звучали голоса, осуждавшие взимание процента. Августин, Иероним, Фома Аквинский, Евстафий Солунский, Савонарола, Лютер, Фентон — этот перечень противников ростовщичества эпохи средневековья может быть продолжен. Но следует заметить, что мотивы, побуждавшие их к критике, были различными. Если Джироламо Савонарола, например, поднял свой голос против «зловредной бездны и гнуснейшего червя ростовщичества»⁴⁴, выражая настроения средних слоев бюргерства Флоренции против складывавшегося ростовщического капитала и экономического засилия патрициата города, то английский богослов Фентон⁴⁵ порицал ростовщичество с позиций гибнущего класса феодалов в эпоху, предшествующую буржуазной революции. Лютер же выступал против несправедливого взимания процента, отражая взгляды умеренного бюргерства, составлявшего основу реформационного движения в Германии⁴⁶.

В гневных проповедях Николая Кавасилы нашло отражение традиционное для средневекового образа мышления осуждение ростовщичества с этико-религиозной точки зрения. Взгляды автора не выходят за рамки традиционных оценок, характерных для экономической мысли того времени. Несомненно, Кавасила остается в рассмотренных здесь сочинениях сыном своего класса, выражающим беспокойство прежде всего в отношении тех аристократов, которые, как и он⁴⁷, пострадали в период гражданской войны и движения зилотов. Если даже счастье, что он ратует кое-где за проявление сочувствия к истинно бедным (хотя дифференцировать подлинную и относительную бедность в его сочинениях невозможно), то в этой его заботе об общем благосостоянии проявляется в первую очередь беспокойство о своем и ему подобных будущем. Однако несмотря на ординарность аргументации Николая Кавасилы и классовую ограниченность его позиции, сочинения автора, направленные против ростовщичества, вызывают интерес у исследователя, поскольку традиционная для средневековья риторическая тема, несомненно, подсказана событиями общественной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Оба сочинения, судя по аргументам, по постановке темы, акцентам, написаны Николаем Кавасилой примерно в одно время. Письмо к Анне Савойской датируется более или менее определенно: Николай Кавасила говорит в нем, что ему нет еще 30 лет.

Р. Гийан считает, что опус написан около 1347 г. — *R. Guillard*. Le traité inédite «Sur l'usure de Nicolas Cabasilas. Etudes byzantines. P., 1959, p. 85 (перепечатка статьи 1935 г.). И. Шевченко называет terminus post quem письма 1341 (1345) г. и относит его ко времени около 1350 г. — *I. Ševčenko*. Nicolaus Cabasilas' correspondence and the treatment of late byzantine literary texts. — BZ, 47, Bd. 1, 1954, p. 56. Р. Лэнерц датирует это сочинение Кавасилы 1351 г. — *R.-J. Loenertz*. Chronologie de Nicolas Cabasilas 1345—1354. — OCP, Miscelanea Georg Hofmann. S. J., v. XXI, I—II. Roma, 1955, p. 223. А. Ангелопулос называет датой письма 1351—1352 гг. — *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas Chamaetos. He dzoe kai ergon autou. Thessalonike, 1970, p. 92. Н. П. Матсис считает, что письмо было направлено вдове Андроника III около 1350 г. — *N. P. Matses*. Ho tokos en te homologia tou patriarcheiou Konstantinoupoleos kata tous XIV kai XY aionas. — EHBS, 38, 1971, p. 73.

² *K. Маркс*. Капитал, гл. 36. — *K. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. 2, с. 145.

³ *N. P. Matses*. Ho tokos..., p. 71—83.

⁴ *F. Miklosich et J. Müller*. Acta et diplomata graeca sacra et profana. I, 104; II, 313; *N. P. Matses*, Ho tokos..., p. 71, 73—75.

⁵ Даже если учесть, что расчет процентов идет не из 100, как предполагает юстинианово законодательство, а лишь из 72 номисма на литр (номисма равна 2 иперпирам), уровень процента в XIV в. представляется очень высоким. См.: *E. Schilbach*. Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970, S. 183, 189.

⁶ Cod. Just., IV; 32, 26; Basil., 23, 3, 74.

⁷ *J.-P. Migne*. Patrologia cursus completus. Series graeca posterior, t. 150, 1865, p. 727—750 (далее — Тр.). Ранние неполные издания 1604 и 1695 гг. нам недоступны. — *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 89, п. 3.

⁸ В кабинете рукописей Московского государственного Исторического музея хранится список XVI в. трактата Николая Кавасилы «Слово против ростовщиков». См.: Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки архимандрита Владимира, ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894, 213.5 (также 259, 439). По каталогу Саввы рукопись имеет шифр Син. 426, л. 60—69.

⁹ *O. Tafrali*. Thessalonique au XIV siècle. P., 1913, p. 113; *A. П. Каждан*. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, с. 178; *Б. Т. Горянов*. Поздне-византийский феодализм. М., 1962, с. 343; *М. Я. Сюзюмов*. К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, т. 28, 1968, с. 31; *G. Weiss*. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, S. 77; *K.-P. Matschke*. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert. Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341. bis 1354. Berlin, 1971, S. 12.

¹⁰ *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 85—87.

¹¹ *K. П. Курписс* считает, что трактат «был предназначен просить защиты класса разоренных нобилей во время гражданской войны». — *C. P. Kyrris*: Eléments traditionnels et éléments révolutionnaires dans l'idéologie d'Alexios Makrembolites et d'autres intellectuels byzantins du XIe siècle. — XIVE Congrès international des Etudes Byzantines. Résumés — Communications. Bucarest, 1971, p. 36.

¹² *R. Guillard*. Le traité inédite «Sur l'usure» de Nicolas Cabasilas. — Eis mnemen S. Lamprou, Ath., 1935, p. 273—277 (далее — А.). Приложение к статье Р. Гийана осталось нам недоступным. Текст письма использовался во фрагментах, содержащихся в указанной статье Р. Гийана, а также в статье: *R.-J. Loenertz*. Chronologie... См. также об издании Д. Закифиноса: *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 89, п. 2.

¹³ *I. Ševčenko*. Nicolaus Cabasilas' correspondence..., p. 55—56.

¹⁴ *R. Guillard*. La traite inédite..., p. 81—87; *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 87—88.

¹⁵ *A. Angelopoulos*. Nikolaos Kabasilas..., p. 87.

¹⁶ *Ibidem*.

¹⁷ «Журнал Московской патриархии», 1971, № 5, с. 75.

¹⁸ К римлянам послание св. апостола Павла, 2.23.

¹⁹ Kai ek' tokou kai ex adikias lutrosetai tas psuchas auton. Ср.: Псалтирь, 71. 14.

- ²⁰ Книга пророка Иезекииля, 18.8. См. также: Исход, 22.25; Псалтирь, 14.5.
- ²¹ Левит, 19.17—18; 25.35—37; Второзаконие, 23.19.
- ²² Евангелие от Луки, 6.35.
- ²³ М. Я. Сюзюмов. Экономические воззрения Льва VI. — ВВ, т. 15, 1959, с. 48.
- ²⁴ Евангелие от Матфея, 25.41.
- ²⁵ Об отражении норм нравственности в трактате Николая Кавасилы мной написана специальная статья «Этические проблемы «Слова против ростовщиков» Николая Кавасилы» (для АДСВ, 14).
- ²⁶ А. Angelopoulos. Nikolaos Kabasilas..., p. 87.
- ²⁷ Платон. Законы, кн. 5. — Соч., т. 3, ч. 2. М., 1972, с. 222 (747 В).
- ²⁸ Там же, с. 217 (742 С).
- ²⁹ Там же, с. 218 (743).
- ³⁰ Там же, кн. 11, с. 418 (919 В — С).
- ³¹ Там же, кн. 5, с. 216 (742 С).
- ³² Там же.
- ³³ Аристотель. Политика. Пер. С. А. Жебелева. СПб., 1911, с. 25 (1, 3, 12—18).
- ³⁴ Там же, с. 28 (1, 3, 22—4, 2).
- ³⁵ Прямое значение греческого слова tokos — дитя, приплод; переносное — рост, процент.
- ³⁶ Аристотель. Политика, с. 28 (1, 3, 22—4, 2).
- ³⁷ А. П. Каждан обратил внимание на подобную аналогию у Евстафия Солунского: «Мы позволяем проглотить даяние, а затем принуждаем отведавшего изрыгнуть назад и даже с избытком. И такое позорное деяние мы называем прекрасным словом «дутья». — А. П. Каждан. Византийский публицист Евстафий Солунский. ВВ, т. 28, с. 69. См. также: R. Fenton. A treatise of usurie. L., 1611, В. I, с. 2, § 1—2, р. 3—7.
- ³⁸ У. Дж. Эшли. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией. М., 1897, с. 171; С. Н. Булгаков. Основные мотивы философии хозяйства в платонизме и раннем христианстве. — В кн.: История экономической мысли, т. 1, вып. 3. М., 1916, с. 45; П. Г. Виноградов. Экономическая история средневековья. — Там же, с. 73; А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 256—259.
- ³⁹ Thomae Aquinatis Summa Theologiae, II, 2, quest. 78, art. 1. См. об этом: У. Дж. Эшли. Экономическая история..., с. 172; П. Г. Виноградов. Экономическая теория средневековья, с. 73.
- ⁴⁰ R. Guiland. Le traite inédite..., p. 83.
- ⁴¹ Как известно, священное писание во многом непоследовательно. О противоречиях в Библии по вопросу о богатстве см.: С. Н. Булгаков. Основные мотивы философии хозяйства..., с. 39.
- ⁴² W. Endemann. Die Nationalökonomischen Grundsätze der kanonistischen Lehre. — Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Herg. v. Hildebrand., Bd. I, 1863; F. X. Funk. Zins und Wucher. Tübingen, 1868. Поричание ростовщичества мы находим и в западной церкви. В 443 г. папа Лев осудил как светских, так и духовных ростовщиков. В 1179 г. по предписанию папы Александра III ростовщики были отлучены от церкви. В 1311 г. папа Климент V заклеил как ересь мнение о допустимости ростовщичества. — У. Дж. Эшли. Экономическая история..., с. 166—170; П. Г. Виноградов. Экономическая теория средневековья, с. 64—65.
- ⁴³ См. напр.: П. М. Белов. Антиростовщические идеи в произведениях Саллюстия. — Уч. зап. Горьк. пед. ин-та, вып. 61, 1966, с. 196—206.
- ⁴⁴ П. Виллари. Джироламо Савонарола и его время, т. 1. СПб, 1913, с. 229.
- ⁴⁵ R. Fenton. A treatise....
- ⁴⁶ Вызывает некоторые возражения оценка позиции Лютера в отношении ростовщичества О. И. Чернушевичем, считающим, что Лютер отражал «то новое, что появилось в экономических отношениях его времени». См.: О. И. Чернушевич. Взгляды Мартина Лютера на ростовщичество. — В сб.: Некоторые вопросы всеобщей истории. Тула, 1972, с. 96. Думается, что все аргументы Лютера против ростовщичества являются весьма традиционными, отражая позицию раннего христианства по этому вопросу. Представитель же более радикального направления в реформации Жан Кальвин, учение которого

соответствовало интересам буржуазии периода первоначального накопления капитала, действительно проявил в своей оценке ростовщичества новую экономическую ситуацию: он выступил в защиту взимания процента. Выразитель традиционно средневековой точки зрения на процент английский богослов Р. Фентон называет Кальвина «главным патроном ростовщичества». — *R. Fenton. A treatise...*, В. 1, с. 2, § 3, р. 11.

⁴¹ *М. А. Поляковская*. Политические идеалы византийской интеллигенции середины XIV в. (Николай Кавасяла). — В сб.: АДСВ, вып. 12. Свердловск, 1976.